

**Вениамин
СЛЕПКОВ**

г. Петрозаводск

В курилке на лестничной клетке стоял Серега и взахлеб рассказывал о своих грибных удачах:

— Вчера вечером по лесу пробежался, грибов набрал — во!

Он резко развел руки в стороны, так что мне пришлось втиснуться в стену, чтоб не получить удар в живот. Может, и не сильно, но неприятно.

— Где ж это такие грибные места? — спросила Валя.

— Не поверишь, прямо возле дома!

Серега жил в многоэтажке на краю леса. Когда мы бывали у него в гостях, продолжая начатые на службе праздники, то выходили курить на лоджию, с которой открывался чудесный вид. Прямо перед домом пролегла трасса, а за ней начинался лес. Синие ельники уходили за горизонт, маня к себе, словно сказочные леса. Смотришь на них и думаешь, что там, в этих ельниках, сидят на ветвях русалки, молочные реки омывают кисельные берега, где-то притулилась избушка на курьих ножках. Покличь ее — повернется, поскрипывая, к тебе передом, к лесу задом. Дверь приоткрывается, из-за нее покажется подозрительная старушка, окинет взглядом и расплывется в улыбке: «Заходи, касатик!»

Если посмотреть направо, видны были многоэтажки другого спального района. Эти спальники окружали наш город, нависая над низкой исторической частью, спускавшейся к озеру. Видимый спальный район, огороженный смешанным лесочком от района, где жил Серега, располагался так далеко, что казался другим городом. Серегин сын, когда был маленьким, верил, что это видны пригороды Питера, до которого на самом деле четыреста километров.

Лесок раскинулся вокруг речушки, здесь зажатой деревьями, а в городе и вовсе упрятанной в трубы. Речушке было тесно в трубах, и, если в лесочке ее вода, отражая небо, казалась синей, то из труб она вытекала в озеро уже какого-то мерзкого желто-коричневого цвета. Впрочем, я эту

рассказ

речушку видел редко, только когда приходил к Сереге, мельком смотрел в просвет между деревьями, пропускавшими меж себя трассу. Там под мостом плавно, неспешно текла вода. В городских трубах она тоже не рвалась на волю, напротив, еле тащилась, обессиленная цементным окружением. Город умеет высасывать силы не только из человека.

— Это ж не лес, это ж парк! И в этом самом парке грибов — видимо-невидимо. Говорю — два ведра за полчаса! — разливался Серега.

Год и вправду выдался грибной. Рынки не вмещались в своих стенах и выплескивались на городские улицы грибниками, разложившими на ящиках кучки подосиновиков, подберезовиков, белых... Лежит кучка, в кучке — три штучки. Я пару раз купил эти кучки, пожарили, на зубок попало. Не скажу, что очень люблю грибы. Это как с рыбой, в детстве объелся. Отец все выходные в лесу проводил. Приезжал вечером в воскресенье, привозя с собой в нашу комнату горьковатый запах костра, сладковатый — прелой листвы, свежий хвойный. Развязывал рюкзак, извлекал из него добытых глухарей, тетеревов, куропадок, уток. Я брал их влажные тела в руки, не боялся, привыкнув с малолетства. Собственно, с тех пор и не приходилось держать в руках птицу. У отцовской добычи бессильно свешивались набок головки. Я разглядывал птиц и видел кровавые пятнышки в тех местах, куда попадала дробина.

Потом эта дробина, бывало, встречалась в похлебке, которую готовила мама. На зуб попадет — без зуба останешься. А мясо у лесных птиц невкусное, жесткое, сухое. Хоть папа и говорил за обедом важно, гордясь своей охотничьей удачливостью: «Что ты! Это ж деликатес!», мясистые куриные ножки мне всегда нравились больше.

А вот рыбу я любил. Отец же не только дичь привозил, но и рыбачил знатно. Малышом я манную кашу только на ухе ел. Не на молоке, не на воде, а исключительно на ухе. И как маме пришлось в голову всыпать манку в уху? Кому ни рассказывал потом, все кривились, кудаки. Вот бы сами попробовали! Но тогда, видать, я на всю жизнь наелся, так что теперь мне рыбы и даром не надо.

Грибов-ягод тоже было полно. Ел в детстве, а куда денешься?

Самое вкусное, что привозил отец из лесу, это хлеб от лисички или от зайчика.

— Иду по тропинке, вдруг зайчик навстречу! — рассказывал отец. — Говорит, передай сынишке гостинец.

Кусочек хлеба извлекался из пакетика, в который был завернут. Был этот хлеб помятым, влажным, но вкусным. Как же, зайчик прислал!

Хотел я с этим добрым зайчиком познакомиться, да не сложилось.

Серега ткнул хапчик в стенку ведра, до половины заполненного окурками, и выбежал из курилки.

— Умеют жить люди, — ворчливо заметила Валя. — Тут не знаешь, как с отчетом управиться, допоздна в конторе сидишь, а этот — грибы собирает!

Я неопределенно хмыкнул в ответ. Поддакивать не хотелось. Серега — молодец, находит возможность хоть изредка оторваться от скучных цифр, вдохнуть, так сказать, живительный эфир природы...

Серега слинял еще перед обедом. Он заглянул в кабинет — каморку, отгороженную матовой стеклянной стенкой от нашего отдела, — к Наталье Антоновне. Заходя, скривил лицо в страдальческой гримасе. Из-за стенки доносился его бубнеж о скакнувшем давлении и необходимости отлежаться. Антоновна милостиво отпустила подчиненного.

От начальницы Серега вышел уже веселым, подмигнул нам и распрощался.

Работать не хотелось. Говорят, что англичане очень обеспокоены тем, что клерки стали тратить меньше времени на обед, чем прежде. Дескать, еще в пятидесятые годы мелкие чиновники из Сити обедали около часа. Не тупо жевали пищу в своих забегаловках, а вели за обедом неторопливые беседы, отключаясь от дел. Это помогало им работать эффективнее. А современные клерки закидывают в себя бутерброды, жуют на ходу, управляют за пятнадцать минут и бегут обратно к своим компьютерам. Совсем как я. Главное, и начнешь разговор за обедом, так все о том же — о работе. Лучше побыстрее прожевать и на место. На компе хоть пасьянс разложить можно, пока не кончилось законное обеденное время. Вообще-то, Антоновна требует, чтобы все игрушки были удалены, но мы наострились их прятать и играем только когда начальницы нет. Гулять же в обеденное время я не люблю. Что в этом

толку, если все равно скоро на работу. Так что вместе с чиновничьим племенем Сити понижаю свою работоспособность.

Но сегодня почему-то Серегин рассказ разбредил душу. Вернувшись с обеда, я набрал в поисковой системе слова «Осенний лес», перешел в картинки и долго любовался прекрасными видами. От пестроты листьев зарябило в глазах. Конечно, фотки обработанные, отфотошопленные. Может, они специально для таких, как я, тут и размещены: любуйся, бумажная душа! Где ты еще такую красоту увидишь? Не в лесу же!

Настроение было, как бы это сказать, испорчено и приподнято одновременно. Картинки осеннего леса вернули какое-то забытое юношеское ощущение, когда кажется, что все впереди, что жизнь будет поворачиваться самыми яркими праздничными сторонами, что счастье близко, вот-вот его достигнешь... Позже пришло понимание, что это ощущение само и было счастьем. Сравнение тогдашнего ощущения досягаемости вечного праздника с нынешней реальностью в виде офиса, строгой начальницы из породы деловых женщин, ежедневной рутинной работы портило настроение.

Отдохнул, дружище? Полюбовался лесом на картинке? Теперь — за работу!

Не хочу. Не хочу. Не хочу. Это не моя жизнь, я живу чужой жизнью, жизнью серого клерка. Дети вечером спрашивают: «Как прошел день, папа?» Отвечаю: «Нормально!» А на самом деле? Если все это вокруг — норма, то зачем я вообще жил, учился, детей рожал?

Так, стоп, проехали. Нельзя поддаваться такому настроению, оно деструктивно. Эти мысли загоняют в угол, понижают самооценку и, в конечном итоге, приводят к разрушительным последствиям. Нарушается душевное равновесие, на глупости тянет. Как на прошлой неделе, когда с Васильичем из соседнего отдела напились, рассказывая друг другу, что, мол, жизнь не удалась. Хорошо посидели, но жена потом три дня не разговаривала. У Васильича тоже, кажется, проблемы были.

Надо подумать, могу ли я изменить ситуацию? Серега может, а что сумел сделать один, то и другой сделать сумеет. Такой лозунг, говорят, висел в комнате у молодого Уэллса. Только артистических способностей мне Бог не дал, не полу-

чится страдание на лице изобразить. А, была не была, Антоновна сегодня добрая.

— Наталья Антоновна, можно мне сегодня по семейным обстоятельствам уйти пораньше?

— Пораньше — это когда? — эта колонна железобетонная верна себе, строга и конкретна. Как обычно, требует четко формулировать просьбу.

— В четыре.

— Идите, Кузьмин, раз надо. Напоминаю вам, что мы предоставляем сотрудникам право раз в два месяца брать один день за свой счет, но прошу предупреждать об этом заранее.

Глядя на меня прямо, без улыбки, она будто давала понять, что я бездарный работник, который даже спланировать свои надобности на ближайшие несколько дней не в состоянии. Не понимаю, какое удовольствие унижать людей? Что ей стоит улыбнуться, отпустить без нотаций?

— Да тут вот очень неожиданно такая ситуация образовалась, — начал мямлить я.

— Идите, Кузьмин, я вас отпускаю.

Антоновна уткнулась в бумаги на столе. Вообще-то, она тетка нормальная. Просто взяла на себя роль строгой начальницы. Похожа на героиню Алисы Фрейндлих в «Служебном романе» до того, как та влюбилась в Новосельцева, только представительнее, да и от моды не отстает. Ее деловой костюмчик стоит три моих зарплат. Может себе позволить, муж серьезным бизнесом занимается, лес за бугор толкает. Тот самый мой осенний лес, который я вижу только на картинках...

Всегда мечтал научиться, закрывая дверь конторы, забывать обо всех производственных делах, да так и не научился. Бывает, цифры в графах ночами сняты. Но сегодня я настроил себя на иное. Вышел из кабинета, смущенно пряча глаза от Вали, смотревшей на меня, как Цезарь на Брута, когда тот пырнул ножичком великого римлянина.

Я вышел на улицу, и у меня появилось чувство, какое испытывал в школе, когда уроки прогуливал. Какая-то запретная радость, которой не вполне доверяешь, но — вот же она. Свобода!

Дочка Симуля удивилась, когда я вошел:

— Папа, а ты чего так рано?

— Собирайся, Солнце! Мы идем за грибами!

— Ура! Ура! — дочка захлопала в ладоши, запрыгала, и косички радостно заплясали по спинке. — А куда?

— Да здесь, неподалеку! — отозвался я, быстро меняя костюм на джинсы. Блин, кроссовки прохудились, придется в лес в туфлях идти. — Скорей давай, надо еще Яшу из садика забрать!

Я вдруг спохватился:

— Да, а ты уроки сделала?

— Еще в школе! — отмахнулась моя третьеклассница, торопливо одеваясь.

Купив по дороге в киоске сок и пачку печенюшек, мы остановили проезжавшее такси.

Оставив в машине Симу и пластмассовое пятилитровое ведерко, я зашел в садик, заглянул в группу. Ящик, увидев меня, удивленно округлил глаза, но тут же оставил тарелку, по которой размазывал бледно-желтую смесь, и побежал сообщать, что за ним пришли. Воспитательница выглянула, кивнула мне и снова скрылась наводить порядок среди оравы детишек. Никогда бы не смог работать с детьми. Крик стоит, как на стадионе во время футбольного матча. Не будь рты забиты омлетом, они бы и лондонских болельщиков за пояс заткнули.

— Папа! Елена Александровна разрешила мне омлет не доедать! — Яшка сиял, не каждый день выпадает такое счастье.

* * *

Мы проехали мимо Серегиного дома, остановились на перекрестке, от которого в сторону городской свалки уходила грунтовая разъезженная дорога. Вдоль дороги метров на двести тянулись грязно-серые гаражи, но нам пришлось обойти их с другой стороны, где вилась тропинка, шагая по которой можно было выйти к лесному массиву на берегу реки.

Идти до леса предстояло метров двести. Если не смотреть налево, где из желтой высокой травы выросли гаражи, и если не сильно поворачивать голову вправо, где по вечно ремонтируемой трассе ползли, пыхтя, автомобили, можно было представить, что идешь где-то вдалеке от города. А изредка порывисто налетавший ветерок заставлял дышать полной грудью. Впечатление портил только удушливый запах от дороги, добавлявший свою ложку дегтя в свежий запах осеннего леса.

Со стороны леса на тропинке показалась знакомая фигура. Серега пер корзинку грибов.

Он шел, отдуваясь. Собственно, я не удивился. Понятно было, для чего мой коллега свинтил с работы.

— Все грибы собрал?

— Тебе осталось!

Серега прошел мимо, я с интересом заглянул в его корзинку, но не увидел грибов, поскольку коллега накрыл добычу пакетом. Заметив мой интерес, он вроде бы сделал движение, тронув корзинку, как бы демонстрируя то, что насобирали, но пакет не снял.

— Я уже второй раз сегодня бегаю, — похвастался он. — Первую корзинку жена на сушку пустила, а мне еще жареных захотелось.

Мы распрощались.

Земля под ногами было мягче, чем городской асфальт. Пока тропка шла по пригорку, на тропинке было сухо. Но вот она вильнула в низинку, и пришлось внимательнее смотреть под ноги, чтобы не начерпать воды в лужицах.

— Сима, осторожно! Яша, куда в лужу пошел! Ты же в плетенках, ноги промочишь!

Сентябрь выдался теплым. Что-то случилось с погодой в последнее время. Снег выпадает перед Новым годом, таять начинает в мае, в сентябре еще можно загорать...

— Сима, ну-ка застегни кофточку! Продует!

— Что ты, папа! Смотри, какая жара! — Сима смеется и убегает, не обращая внимания на папины поучения.

— Сентябрьская жара обманчива! — кричу я вслед, понимая, что дочка меня не слышит, но не могу остановиться. — Чуть вспотеешь, продует моментально!

А, ладно, не простудится, может быть.

Сима убегает вперед, а Яша тормозит. Присел возле фиолетово-синего цветочка, тронул стебелек.

— Яша, не рви! Пусть растет! — строго говорю я.

— Я не рву! — Яша отпускает цветок. — Папа, а что это за цветочек?

— Колокольчик! — авторитетно отвечаю я. В голосе ни тени сомнения, но сам-то я вовсе не уверен, что это колокольчик. Ну, василек, ландыш, одуванчик, ромашку, лютик и мать-и-мачеху я еще узнаю, а остальное... Да, знаю еще иван-чай. Вон его заросли окрашивают фиолетом бледно-желтый от сухой травы пригорок. У нас в квартире обои такие бледно-желтые. На-

верное, светло-фиолетовые пятна смотрелись бы на них дико, а здесь, на природе, — красиво.

Мы вошли в росшую стеной березовую рожицу.

— Давайте здесь поищем, — предложил я, но дети уже и без меня носились меж деревьями.

— Нашел-нашел! — закричал Яша, указывая пальцем под ноги. — Их здесь много!

Сима первая оказалась возле него и присела на корточки, любуясь матово-розовыми шляпками.

— Я сорву! — заявил Яша.

— Не надо, это поганки, — остановил я его и поймал критический взгляд дочери.

— Папа, это сыроежки.

— Ну да, сыроежки. Но дедушка всегда называл их поганками, не собирал их. Он любил белые, подосиновики, подберезовики, иногда мог козлов собирать, грузди солил, а сыроежки считал поганками.

— А тетя Рая, когда мы с мамой к ней ходили, угощала нас сыроежками жареными. Вкусно было, — сообщила Сима, критично глянув на меня.

— Ну, наверное, тетя Рая знает, как их готовить. Их вымачивать надо, — неуверенно сказал я.

— Ой, давай вымочим! — закричал Яша, ломая ножки грибов.

— Не надо, — запротестовал я, но было поздно.

— Яша, ты как хочешь, но я их в ведро не положу. Мама не будет возиться с сыроежками, давайте искать настоящие грибы.

Яша какое-то время стойчески нес собранную добычу в руках, потом попытался распахнуть по карманам, но эту попытку я быстро пресек:

— Стой-стой! Мама потом куртку не отстирает!

Березовую рожицу мы осмотрели довольно быстро. Глазастая Сима нашла маленький подосиновик и тем положила начало кампании по сбору грибов. Яша выбросил сыроежки и гордо положил красноголовик в ведро.

Однако больше в этой рожице нам ничего не попалось. Серега и другие умные люди, которые ходят по грибы с утра и днем, а не под вечер, уже все собрали. Невысокая елка, словно сделав шаг вперед, как швейцар стояла у входа в смешанный лес из березовой рожи.

Если в березняке было светло, деревья стояли на расстоянии друг от друга и солнце сушило траву в роже, то теперь, войдя в лес, мы будто вышли из светлой комнаты в темный коридор.

Однако и в этом коридоре шла тропа, но идти по ней было не очень весело. То и дело приходилось обходить лужи, а сделать это было непросто, поскольку лужи превращались в болотца, расплывавшиеся по сторонам.

— Так, Яша, ты иди по тропе, здесь все-таки хоть чуть посуше, а мы с Симой пойдем по сторонам, — распорядился я. — Сима, дальше чем на два метра от тропинки не отходи!

— Ага! — согласилась дочка и сразу скрылась за деревьями. Пришлось окликнуть, вернуть и показать, сколько это — два метра.

— Ну, пошли!

— А если я заблужусь один на тропинке? — обеспокоился Яша. — Лучше вместе пойдем.

— Эх вы, лесники, тоже мне! — укорил я. — Кто же за грибами ходит след в след? Надо идти так, как я сказал, тогда мы увидим и те грибы, которые у тропинки растут, и те, которые по сторонам прячутся.

Этой лесной премудрости меня научил отец, когда однажды все же мы с ним отправились в лес. Помню, тогда пришлось ехать на поезде часа два, потом идти несколько километров по лесной дороге, отмахиваясь от комаров и оводов. Отец на комаров внимания не обращал. Я где-то читал, что человек реагирует на определенное число укусов, а потом будто бы перестает их замечать. Мне в это верится плохо, но отец действительно не обращал внимания на мерзких тварей.

— Бывало, в детстве пойдешь на рыбалку, — рассказывал папа. — Комары кусают, давишь их, а они падают за ворот рубахи. А потом домой придешь, пояс развяжешь, который рубаху стягивает, и возле тебя — круг комаров на полу лежит!

Папа посмеивался, а меня от таких рассказов передергивало. Мы взяли тогда с собой мазь от комаров, но толку от нее не было. Только намажешься, тут же пропотеешь, вытираешь рукавом застилающий глаза пот и мазь с ним вместе стираешь. А она еще норовит в глаза попасть, щиплет... Машешь веточкой вокруг себя, да комары уворачиваются от нее, будто издеваются.

Комары и испортили мне тогдашнее путешествие по лесу. Правда, были и приятные моменты. Помню, сошли мы с дороги, углубились в чащу, поднялись на пригорок, а там вдоль тропки — грибы белые. Видимо-невидимо! Стоят вели-

каны, коричневые шляпы — словно зонты. И главное, все чистые, червивых нет!

Кажется, было это в сосновом бору, отделявшемся от дороги болотцем. Папа еще воздухом восхищался, говорил, для сердца полезно этим сосновым воздухом дышать.

Мы те боровики пока оставили, взяли лишь несколько на похлебку, хотели собрать на обратном пути, но обратно брели усталые, да еще дождь пошел, в общем, немного домой привезли. Похлебку папа с дядей Юрой вечером готовили, когда мы уже расположились на берегу Сяпси. Вывернули в котелок банку тушенки, грибов покрошили, разрезали пару картофелин, из дому взятых... Вкусно было. Дым от костра или ветерок, продувавший берег, уже разогнали комаров, от реки тянуло прохладой.

Рыбалка днем не задалась. Папа и дядя Юра ходили вдоль реки, меняя места время от времени. Помню, папе попалась плотва с красными глазами алкоголика. Кажется, дядя Юра вытащил щучку. Была и еще рыба, но я помню только названия: хариус, палья, форель. Поймали эту рыбу или только говорили о ней, в памяти не отложилось. Вечером отец с товарищем приговорили бутылочку и отправились спать в палатку, а я сидел всю ночь, глядя на реку. Дело было в июне, ночью не темнело, хоть читай без света. Прежде в том месте, где мы остановились, были покосы какого-то совхоза или леспромхоза. В сотне метров от берега стоял полуразрушенный бревенчатый сарай с провалившейся крышей. Мне было любопытно, я походил вокруг сарая, заглянул внутрь. Внутри не было даже пола, трава вымахала по пояс. Бревна на сарай пошли огромные, их срезы напоминали мишени. Захотелось сделать лук и пострелять в них, но почему-то не сделал.

Через реку в этом месте когда-то был устроен мост, давно снесенный в половодье. От него остались только какие-то бастионы на берегу, бревна с них и пошли на дрова. Я подтаскивал к костру бревно, клал поперек, ждал, когда оно перегорит, подвигал обе половины к огню. Сидел, смотрел то на реку, то на огонь. Так прошла почти вся ночь.

Утром я услышал, как папа хрипло дышит во сне, потом начал стонать. Я испугался, заглянул в палатку:

— Папа, тебе плохо?

— Нет, мне хорошо.

Он снова заснул, прикорнул рядом и я. Когда проснулся, солнце стояло высоко, папа и дядя Юра были на речке. Мне рыбачить не хотелось. Снова появились комары. Чтобы успеть на поезд, нам пора было сворачиваться.

На обратном пути папа несколько раз присаживался отдохнуть на лежащие вдоль тропки деревья, поваленные когда-то ветром. Стал накрапывать дождь, сначала кроны деревьев нас защищали, но вскоре капли полились на тропку с листьев и сосновых веток. Стало неуютно. Капли попадали за воротник, заставляя ежиться. Дяде Юре не хотелось ждать, и он все время поторапливал:

— Лешка, хватит рассиживаться!

— Сейчас, Саша отдохнет, и пойдём.

Это он обо мне заботился, а может, просто не желал признаваться товарищу в том, что и вправду ослаб, и пользовался моим малолетством как поводом для отдыха. А я по глупости все кричал, что совсем не устал, и отец нехотя поднимался, и мы снова шли...

Пока я был совсем маленьким, папа меня в лес не брал. Ездил он с друзьями большей частью на охоту и говорил, что малышу будет тяжело поспевать за охотниками. Да и с ружьями рядом ребенку быть опасно. У дяди Юры был большой светло-зеленый мотоцикл «Урал». Помню, как они с отцом, одетые в защитного цвета спецовки, которые выдавали им на заводе, перепоясанные патронташами, усаживались на мотоцикл, укладывали рюкзаки в коляску. Потом мотоцикл ревел, и они уезжали. В это время мама обычно держала меня дома, я видел отъезд из окна. Однажды я вырвался, подбежал к мотоциклу как раз в тот момент, когда «Урал», выпустив клубы дыма, тронулся с места и стал быстро удаляться. А я маленький бежал вслед по дороге и кричал:

— Папа! Возьми меня с собой! Папа!

Но папа, натянувший мотоциклетный шлем, меня не слышал.

После, когда мне исполнилось лет двенадцать, я уже и сам не хотел ездить в лес. После той поездки отец несколько раз звал меня с собой, но я, вспоминая, как пришлось кормить комаров, отказывался, думая, что еще успею.

А потом у папы случился инфаркт и его не стало.

* * *

...Мы с детьми бродили по лесу около часа, ведерко постепенно наполнялось грибами. Яша то и дело подзывал меня к своим находкам, но все это были большей частью незнакомые мне грибы. Сима нашла груздь и предложила взять его, чтобы засолить, но я ее отговорил. Не солить же один гриб, тем более что ни дети, ни я солеными грибочками не увлекаемся. Может, жена попробовала бы, но как его засолишь, один-то!

Кажется, нам попадались волнушки и серушки, но я не был уверен в том, что все это съедобно, а потому объявлял их поганками. В ведерке, наполненном почти доверху, лежали подосиновики и подберезовики. Яша пытался спорить со мной, утверждая, что красные шляпки — у подберезовиков, поскольку мы нашли несколько красноголовиков под березой. Едва удалось его переубедить.

Дети скоро устали и запросили есть. Мы выбрали у реки место покрасивее и посуше. Устроились на длинном березовом бревне, с которого кто-то уже обрубил ветви для костра. Кострище чернело тут же на берегу. Мы съели пачку печенья, запивая соком. Было хорошо, даже битые бутылочные стекла, тускло блестевшие возле кострища, не раздражали. Достаточно было просто перевести взгляд на неспешно текущую речку. Глядя на нее, не хотелось думать ни о чем. Яша у берега пускал кораблики из коры.

Дунул ветер, и листочки на тонком деревце,

возле которого мы сидели, мелко задрожали, копируя рябь на воде.

— Как красиво! — восхитилась Сима.

— А это что за дерево? — заинтересовался Яша.

— Ольха, наверное, — сказал я первое, что пришло в голову.

Сима рассмеялась:

— Папа, это осина!

— А ты откуда знаешь? — мне не хотелось ронять свой родительский авторитет.

— Ну как же! — объяснила Сима. — Не зря же говорят, мол, дрожит, как осина! Смотри, листочки так трепещут, будто боятся.

— Ах да, конечно! — тут же «вспомнил» я название дерева. — Да, Яша, это осина.

— Вижу, — согласился Яша. — Потому что листочки трепещутся.

Нам повезло. Только мы вышли на дорогу, как удалось остановить такси. Дети забрались на заднее сиденье, а я сел вперед, поставив в ногах ведерко с грибами. Водитель бросил на него взгляд и присвистнул:

— Ух ты! Где это вы?

— В лесу! — сказала Сима.

— Мы с папой в лес ходили! — гордо сообщил Яша. — Папа, а мы еще с тобой в лес пойдём?

И я был счастлив ответить:

— А как же?! Конечно!

□

Вениамин Алексеевич СЛЕПКОВ

родился в 1969 году в Петрозаводске.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Член Союза журналистов с 1991 года.

Работал корреспондентом, заведомом, редактором в газетах Карелии.

В настоящее время — редактор отдела публицистики журнала «Север».

Один из авторов книги «История строительства в Карелии» (2007 г.).

Автор книги стихов «Старый лешак» (2009 г.),

книги литературной критики «Жить в эпоху перемен» (2011 г.).

